

Л. Липатова

Дорогами
часть
вторая **КОЧЕВИЙ**

Красный Север
Салехард
2005

Л 61 ЛИПАТОВА Людмила Федоровна. Дорогами кочевий: часть вторая / Л.Ф. Липатова. — Салехард: Красный Север, 2005. — 368 с. + ил.32 с.

В книге «Дорогами кочевий» отражены впечатления автора от встреч с самыми разными людьми, и прежде всего с коренными жителями Обского Севера. Много Л.Ф. Липатовой довелось увидеть, понять, переосмыслить во время кочевок с оленеводами. Часто общается она и с учеными, исследователями, журналистами, путешественниками. Этнографический и краеведческий материал, приведенный в книге, заинтересует всех, кому небезразлична история края.

Книга проиллюстрирована в основном фотографиями автора.

© Липатова Л.Ф., 2005.

© Рогачева Е.В. (обложка), 2005.

© ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север» (оформление), 2005.

ISBN5-93298-025-7 (продолжающееся издание).

ISBN5-93298-048-6 (часть вторая).

«Свет мой, деревце, скажи...»

Едва ли вы знаете о том, что многие деревья Обского Севера живут сотни лет. А ведь это на самом деле так. Среди них самый старый долгожитель — можжевельник. Пока обнаружено 800-летнее дерево, а может быть, найдется и постарше. Немного помоложе его — лиственница, срок жизни которой 500 лет, а у ели — 450. Это стало известно благодаря исследованиям Степана Григорьевича Шиятова, доктора лесотехнических наук, заведующего лабораторией дендрохронологии Института растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля наук — в общем, регалий он за свою жизнь получил больше чем достаточно. Это неудивительно, человек он увлеченный, самозабвенно любящий свою работу. Несмотря на свой уже немолодой возраст, продолжает вести активный образ жизни и продолжает свои научные изыскания по изучению лесов нашего региона. Он создал дендрохронологическую лабораторию, так что теперь по куску дерева может определить его возраст, когда и где оно было срублено.

«В настоящее время, — говорит Шиятов, — перед учеными стоит проблема изучения не только растительности, но и экосистем в целом в связи с глобальными изменениями климата. Сейчас это стержень всех международных программ, в которых мы принимаем активное участие. Мне бы еще год-два, дай Бог здоровья, чтобы организовать мониторинговый полигон для наблюдений в будущем. Все это зафиксировать, сделать повторные фотографии, проанализировать, опубликовать какую-то обобщающую монографию — и можно заканчивать научную карьеру».

С чего же началась карьера одного из выдающихся лесовиков страны? Степан Григорьевич Шиятов окончил Уральский лесотехнический институт в 1957 году. Еще в студенческие годы участвовал в экспедициях академика Павла Леонидовича Горчаковского, как он его называет, «моего учителя». Факторы, определяющие верхний предел распространения леса на Северном Урале, — такова тема его

дипломного проекта. После окончания института Шиятова направили мастером на подсобное производство. Но вскоре он получает приглашение от Горчаковского во вновь организованную Уральскую лесную опытную станцию, где в течение двух лет ведет тему: «Лесные пожары. Опасность лесных вырубок». Как-то не очень приглянулась ему эта работа, и он решил увольняться. Тогда Горчаковский предложил ему поступить в аспирантуру. На этот раз он стал заниматься динамикой верхней границы леса на Полярном Урале (для уточнения — бассейн реки Соби), тем более тогда в округе образовался стационар, значит, появилась база. Так в 1960 году Степан Григорьевич впервые приехал в Ямало-Ненецкий округ. У него был вольный выбор, поэтому он мог остановиться в любом месте, которое ему понравится, поэтому он внимательно присматривался из окон поезда к окружающему ландшафту. Когда же увидел гору Рай-Из, полого поднимающийся лес по склону гор около поселка Харп, то подумал: «Вот туда надо идти». Там оказались крайне интересные объекты. В этом уголке природы почти не было прогона оленьих стад, поэтому все сохранилось почти в девственном виде: огромное количество остатков древесины, сухостоя, валежа, деревьев. В течение трех лет Степан Григорьевич изучал эти места, закартировал 136 километров, заложил довольно много пробных площадей, в том числе профиль длиной 840 метров и шириной 80 метров, где закартировал и измерил 20 характеристик для каждого дерева и подроста, чтобы наблюдать, какие изменения будут происходить в будущем. Он исследовал весь восточный макросклон Полярного Урала, начиная на севере от реки Большой Ханымей. Когда он вернулся сюда три года назад, то поразился происшедшим переменам. Сомкнутость древостоев увеличилась в два-три раза, маленький подрост сформировался в густые древостои, отдельно стоящие деревья стали типичным лесотундровым редколесьем, то есть произошел резкий подъем верхней границы леса. Между прочим, он мог опираться не только на свое зрительное восприятие, так как есть еще и объективное доказательство — сорок лет назад он сделал около 900 фотографий. Теперь, смотря с тех же точек, где были сняты участки леса, изменения прекрасно видны на снимках. Вообще, начиная с 20-х годов двадцатого столетия, началось резкое, интенсивное расселение древесной растительности выше в горы, которое продолжается до настоящего времени.

Еще в первые годы изучения динамики леса перед ученым встал вопрос, где получить данные о климатических условиях прошлого этого региона. В Салехарде такие наблюдения велись только с 1882 года, но это очень короткий срок для каких-либо заключений. Тогда он обратился к дендрохронологическому методу, который разработал в 20-х годах, как это не покажется странным, один американский астроном. В этом методе используются различные характеристики годичного прироста деревьев: ширина кольца, ширина ранней и поздней древесины. По плотности клеточной структуры можно реконструировать самые различные природные и антропогенные факторы, которые влияют на рост деревьев. В холодный год, например 1997-й, идет очень низкий прирост, а в теплый — повсеместно сильное увеличение прироста. Этот фактор научились легко выделять. Дендрохронологический метод позволил ученому реконструировать границу леса за последние 350–400 лет и нанести все это на карту.

«Наша основная задача, — объясняет Шиятов, — использование древесно-кольцевых хронологий, то есть хранящейся в кольцах деревьев информации, в основном климатической, для изучения климатогенной динамики лесотундровых экосистем и реконструкции климатических условий прошлого за длительный промежуток времени. Естественно, что этот район оказался очень благодатным для проведения таких исследований, поскольку, согласно данным климатологов, это один из центров наиболее сильной изменчивости температурных условий в пределах Северного полушария, потому что здесь сталкиваются атлантические массы воздуха с сибирскими, идет борьба между ними. Сейчас у нас практически уже создан дендроклиматический мониторинг на всей территории округа, получено около 50 хронологий. Практически вся территория округа для нас является модельным объектом, то есть мы будем постоянно наблюдать за всеми изменениями. Кроме того, в 1991–92 годах сотрудники нашей лаборатории совместно с Красноярским институтом леса, с которым мы очень тесно сотрудничаем, прошли вдоль полярной границы леса от Лабитнаг и до Чукотки. Целью этой работы было показать, как в разных секторах Субарктики влияют на лес климатические изменения. Кстати, эти исследования мы проводили также совместно с иностранными лабораториями, потому что без их финансовой поддержки организация таких дорогостоящих экспедиций была бы невозможна. Только аренда вертолета вылилась в значительную сумму».

Кандидатскую диссертацию Степан Григорьевич защитил в 1964 году. Опять же его научный руководитель П.Л. Горчаковский предложил ему сделать два профиля: от Печоры вдоль полярной границы леса до реки Таз и от Полярного до Южного Урала. Исследования заняли примерно 12 лет и вылились в докторскую диссертацию: «Климатогенная смена лесной растительности на верхнем и полярном пределах произрастания», которую он успешно защитил в 1981 году.

Когда мы познакомились со Степаном Григорьевичем, то я сразу же почувствовала родственную душу, потому что тоже люблю Полярный Урал. И у меня очень много вопросов, на которые хотелось бы получить ответ. Например, почему близко соседствуют самая натуральная тундра, где и кустарник-то не встретишь, а буквально в нескольких сотнях метров растет замечательный лес, большие красивые лиственницы, ствол которых даже не обхватишь руками. Одно место в горах так и зовут «Швейцария» (правда, я никогда не была в этой стране), но лес в таких местах на самом деле производит неизгладимое впечатление, особенно после совершенно голой поверхности тундры.

«Я тоже такое видел, — рассказывает профессор. — Это связано с локальными пойменными условиями, где низко мерзлота, где зимой надувается много снега, поэтому почва так не промерзает, а талые воды быстро прогревают почву. То есть создаются самые благоприятные условия для роста деревьев. Один раз, когда мы пытались докопаться до мерзлоты, так мы даже и не смогли до нее добраться. А чуть отошли, где почва покрыта мхом, и мерзлота оказалась всего на 20–30 сантиметров от поверхности. Если бы не было этой мерзлоты, то здесь можно было бы выращивать очень продуктивный лес. Вы знаете, меня удивило: прирост в высоту при таких условиях у лиственницы — 60–80 сантиметров в год. Это примерно так же, как на юге в Свердловской области. Здесь играет свою роль полярный день, освещение, атмосферные условия, а почвенно-грунтовые воды сдерживают рост деревьев».

Далеко на севере, где сейчас нет даже очагов леса, мне довелось увидеть остатки каких-то громадных деревьев, особенно в тех местах, где берега обваливаются во время весенних паводков. Это значит, что когда-то в давние времена граница леса проходила значительно севернее? Этот вопрос я тоже адресовала Степану Григорьевичу.

— В 1964 году я впервые был на полуострове Ямал и тоже обнаружил, что из берегов торчит огромное количество корней деревьев, стволов. Кстати, это неоценимый объект для продления хронологии вглубь

не только столетий, но и даже тысячелетий. Мы провели много радиоуглеродных датировок этой древесины. Дело в том, что в голоценовый период граница леса поднималась значительно выше, причем наискось, к восточному побережью, примерно на 200–300 километров. Это было от семи с половиной до десяти тысяч лет назад. Как только кончился ледниковый период, резко потеплело, и древесная растительность очень быстро стала распространяться на север. Семена приносились с юга реками, да и птицы сыграли свою роль. Это был самый благоприятный период для растительности. Потом началось резкое торфообразование. Лиственницы, которые росли в ложбинах, отмирали, затягивались мхом, сфагнумом и сохранились в мерзлоте до настоящего времени. Сейчас вода подмывает торфяники и эту древесину вымывает. А с 1982 года мы начали интенсивные сборы полуйскопаемой древесины на Ямале, чтобы строить длинную хронологию.

— Долгое время я жила на Ямале в поселке Яр-Сале и слышала там такую версию, что во время войны, когда было трудно доставлять на Север уголь, топливо, местные жители вырубали лес на Хадыте, из-за этого сейчас его стало меньше. Вы этого вопроса касались когда-нибудь?

— Академик Лев Николаевич Шварц, бывший в то время директором стационара в районе станции Обской, вместе с одним из сотрудников поехал в 1963 году первый раз на Ямал, на реку Хадыта. Когда они вернулись, то обратились ко мне: «Слушайте, мы нашли огромные стволы в голой тундре. Откуда они взялись?» Они мне дали точную привязку, и я решил посмотреть, что это такое. Доехали до этой речки и увидели, что в устье застрял строительный плот. Просто в пойме растут крупные деревья, и поэтому здесь происходила заготовка леса. Я взял штук пятнадцать спилов, чтобы датировать их. Оказалось, что они были срублены зимой 1948 года. Потом мы и у местных жителей узнали, что во время и после войны для обеспечения рыбацких поселков на берегу устья Оби и на Хадыте очень интенсивно рубилась древесина. А на Хадыте действительно еловый таежного типа лес. Мы нашли много следов этой рубки. Лес был вырублен довольно-таки существенно. Сейчас все это уже восстановилось. Тем более заготовители рубили деревья в густом лесу, а не на крайнем его пределе, иначе это бы пагубно сказалось на сохранности всего лесного массива.

Хотелось мне хотя бы чуть-чуть затронуть и его связь с археологией, потому что С.Г. Шиятов и в этой науке оставил свой значительный

след. В 1968 году на Мангазее начала работать комплексная археологическая экспедиция. Про нее очень много писала пресса, и Степан Григорьевич решил поехать на раскопки и посмотреть на остатки древесины, которые наверняка там должны быть. Заодно, если удастся, и применить дендрохронологический метод для определения ее возраста. На самом деле сохранившейся древесины оказалось огромное количество. Руководитель экспедиции Михаил Иванович Белов сначала очень скептически отнесся к предложению Шиятова по оказанию помощи. Но потом, когда было получено более двухсот точных дат деревянных мостовых и срубов домов, стал даже рекламировать работу добровольного помощника, сделав ему своеобразное паблисити. После этой работы Шиятову стали беспрерывно поступать различные предложения — поехать туда-то, датировать то-то. В научном плане исследования на Мангазее позволили ему получить длинные хронологии: по лиственнице — с 1103 года до настоящего времени, несколько короче по елке и сибирскому кедру.

А окружной музей в результате тоже получил ценный, щедрый подарок от Степана Григорьевича. В последний приезд он сдал в фонды целую коллекцию монет, собранных им в Мангазее. Вот что он рассказывает по этому поводу.

«Известно, Мангазея находится на крутом берегу, который постоянно подмывается, наверно, уже больше половины территории этого знаменитого археологического памятника смыто. Экспедиция к тому времени собрала все, что ей было необходимо, и поэтому разрешила нам копать в песке. У меня особенно времени не было этим делом заниматься, но все-таки кое-что и я подобрал: копья, ножи, всякие маленькие изделия и штук 40–50 медных монет времен Ивана Грозного, Шуйского и других царей. Кстати, я их прямо там показал одному из руководителей экспедиции археологу Олегу Овсянникову, который сказал мне, что для них они не представляют интереса. Я увез все это домой, правда, две или три монетки подарил своим друзьям в Лабитнангах. Когда собранное показал нумизматам, то они просили их продать, но я держался стойко — пусть лежат как память. А сейчас вот решил подарить музею, и вы знаете, очень даже рад, потому что даже какое-то облегчение в душе испытал».

Успешные опыты по применению дендрохронологического метода были продолжены на Усть-Полуе. Городище было датировано 49–48

годом до новой эры. Это подтвердилось радиоуглеродной датировкой. Поселение на Зеленой Горке, которая сейчас находится в черте города Салехарда, датировано концом XIII — началом XIV века. Очень необычным было определение датировки поселения Ярте-6, расположенного на реке Юрибей полуострова Ямал. Археологи привезли небольшие кусочки от ив диаметром от двух до семи сантиметров.

— Они привезли 46 образцов. Мы посмотрели на них очень скептически, но потом решили: давайте попробуем, может быть, хоть относительные датировки сделаем. Поскольку у нас по иве дендрохронологии не было, мы попробовали датировать с листовничной хронологией, которая у нас уже была к тому времени 4000 лет. Один и тот же фактор влияет на рост деревьев и кустарников, поэтому рисунок колец сходный. Интересная была работа, и мы с ней справились. Второй год мы проводим исследования образцов из Надымского городища. В прошлом году археологи собрали около двухсот спилов различных деревянных предметов, 64 из них мы уже датировали. Теперь мы можем почти с полной уверенностью говорить, что это городище появилось в середине XII века и было покинуто в середине XVIII. Длительное время существовал этот город.

Много пришлось попутешествовать Степану Григорьевичу, любоваться природой во многих местах, но больше всего он любит Урал. Вот как лирически он говорит об этом:

— Я всю жизнь проработал в основном на открытых пространствах, в лесотундре или в горах. Это мои любимые объекты. Вот в тайге, например, я не люблю работать, потому что там все закрыто, особенно в темнохвойных лесах. Когда поднимаешься на гору, перед тобой такая картина раскрывается — дух захватывает. Что-то невероятное по ощущениям — гора Сабля, всякие останцы каменные. Бывал я и на Кавказе, но там на меня давят массивы гор. Бывал и на Камчатке, и на Алтае, и на Саянах, и на Тянь-Шане. Я родился на Урале, в красивейшем месте Башкирии, правда, там нет высоких гор. Или поэтому, или по моему характеру, но более красивых мест, чем на Приполярном и Полярном Урале, я не знаю. Там есть такое уникально явление, как каменные реки. Это случается тогда, когда река не может пробить себе русло среди каменных глыб, она сносит весь микрозем. Весной там бушует поток, а летом голый камень тянется на километры, и только журчит вода где-то под камнями.

4 февраля 2000 года. Салехард

Заведующий Зоологическим музеем Института экологии, растений и животных Уральского отделения РАН Павел Иванович Косинцев в горах Полярного Урала. Горный массив Янганя Пэ. Август 1998 г.

Научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук Наталья Анатольевна Алексашенко со своим любимым микроскопом. Салехард. Апрель 2000 г.

Ведущий научный сотрудник проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского государственного университета Любовь Львовна Косинская, заведующий лабораторией дендрохронологии Института растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, член-корреспондент РАН Степан Григорьевич Шиятов, собирательница фольклора из Тарко-Сале Пуровского района Ирина Сергеевна Хэно в окружном музее. Салехард. Февраль 2000 г.